
Первые тридцать лет моей жизни в Институте

Маргарита Вандалковская

The first thirty years of my life at the Institute

Margarita Vandalkovskaya

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S086956870016602-3

Вся моя жизнь связана с исторической наукой, которой я увлеклась в школьные годы. Меня интересовала общественная мысль XIX в., особенно деятели этого времени — В.Г. Белинский, А.И. Герцен, их мировосприятие, интеллект, размышления о потребностях жизни. Поэтому поступление на исторический факультет МГУ было вполне осознанным. Учеба в университете значительно расширила и обогатила представления об истории, её сущности, роли и проблемах.

Я думаю, что, все кто учился на истфаке МГУ, с благодарностью вспоминают своих учителей: Л.В. Черепнина, П.А. Зайончковского, И.А. Федосова, Е.Н. Городецкого, С.С. Дмитриева, А.В. Арциховского и др. Получив рекомендацию в аспирантуру, я не имела права воспользоваться ею, так как вышло постановление о необходимости для поступления иметь стаж работы. Мой научный руководитель, участник войны, яркий и мыслящий преподаватель, впоследствии ставший проректором МГУ по гуманитарным наукам, И.А. Федосов направил меня в Институт истории АН СССР к тогдашнему заместителю директора Л.С. Гапоненко, который занимался пополнением кадрового состава и, как я потом узнала, слыл всемогущей личностью. Он любезно принял меня, сказав, что у него есть ставки только для специалистов по советскому периоду, «а если Вы отказываетесь от советского периода, то приходите через три месяца». И я согласилась ждать. Теперь я думаю, что это было наивным решением, я могла и не попасть в Институт. Через три месяца меня зачислили по договору (испытательный срок) и быстро перевели в штат.

Я попала в замечательный научный коллектив: сектор источниковедения, которым руководил известный специалист А.А. Новосельский. Его монографию «Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в.» мы изучали, оказавшись в этом секторе. Алексей Андреевич был умным и мудрым человеком, доброжелательно относился к своим коллегам и особенно к молодёжи.

Сектор вёл большую публикаторскую и источниковедческую работу по разным периодам и проблемам отечественной истории. Летописанием занимался красивый и умный А.Н. Насонов, происходивший из рода участника Крымской войны адмирала В.А. Корнилова; из молодых учёных публикацией летописей занимался В.И. Буганов. Опытные исследователи Е.П. Подъяпольская и А.И. Глаголева готовили к изданию «Письма и бумаги Петра Великого». Характерно, что, будучи первоклассными профессионалами и авторами большого числа научных трудов, они защищали свои кандидатские диссертации в позднем, 50—60-летнем возрасте. Это было знаменем времени. Участники

Великой Отечественной войны — бывший офицер-артиллерист М.А. Булыгин и учёный секретарь сектора Л.Н. Пушкарёв — занимались теоретическим источниковедением и публикаторской деятельностью.

Школу источниковедения прошла в эти годы большая группа молодёжи сектора. Среди них С.М. Каштанов, отличавшийся неистребимым юмором, В.А. Кучкин, неистово преданный своим научным увлечениям. Не могу не вспомнить Л.А. Никитину, занимавшуюся английскими хрониками XVI в. о России, которая была влюблена в Шекспира и зорко следила за его переводами на русский. Хорошая память сохранилась о любителе поэзии В.М. Кабузане, Л.И. Ивиной, Л.З. Мильготинной, Я.В. Водарском, которых, к сожалению, уже не стало.

Несмотря на разные темы занятий, сектор объединяла наука об исторических источниках — источниковедение. Об этом заботился Алексей Андреевич. По его рекомендации мы изучали отечественную и зарубежную литературу. Помню, что особой популярностью у нас пользовался источниковедческий труд французского учёного Ш. Сеньбоса.

Оказавшись в секторе, я была включена в группу по подготовке к изданию документов по революции 1905—1907 гг. В этой группе работали Е.В. Иллерицкая, К.И. Платонова и Л.А. Никитина. Но эта работа оставила мрачное впечатление. Некоторые старшие коллеги призывали эсеровские листовки классифицировать как социал-демократические. Мы с Никитиной восстали против этой фальсификации. Сектор нас поддержал, и мы ушли из этой группы. Это был неприятный эпизод.

Моей основной работой стала подготовка к публикации дневников министра внутренних дел П.А. Валуева (1861—1876) и государственного секретаря А.А. Половцева (1883—1892). Ответственным редактором этих изданий был известный учёный, профессор МГУ Пётр Андреевич Зайончковский. Мы работали в Центральном государственном архиве Октябрьской революции, где хранились дневники. Была сформирована группа, в которой принимали участие сотрудница сектора К.М. Платонова и я, от архива — Герман Михайлович Лившиц, талантливый и образованный учёный, к сожалению, рано ушедший из жизни.

Работа проходила в несколько этапов. У каждого сотрудника была своя часть текста, на отдельных листах отмечались неразборчивые и сомнительные места, несогласованные фразы, трудные слова и т.д. Мы обменивались рукописями и прочитывали их вместе. Далее дневники перепечатывались квалифицированными машинистками, и мы сверяли сделанную ими копию с подлинником. Пётр Андреевич два раза в неделю приезжал в архив и просматривал наши материалы. Следующий этап работы проводился в квартире Петра Андреевича (он жил в высотном доме у Красных Ворот). Из архива ему привозили подлинники тетрадей дневника. Мы просиживали у него по 4—5 часов. Выборочно читали дневник, обращая внимание не только на несуразности текста, но и на переводы с французского языка, выполненные сотрудницей национального комитета историков Н. Розанцевой. Эта многотрудная кропотливая работа, проводимая опытным и требовательным руководителем, каким был Зайончковский, как я осознала позднее, имела для нас большую пользу — она способствовала формированию ответственного отношения к культуре публикаторского труда.

В секторе я выступила со своим первым научным докладом по теме «Допросы А.И. Герцена в следственных комиссиях 1834 г. как исторический источник», по которому затем опубликовала статью в «Археографическом ежегоднике». Жизнь сектора была активной и интересной. Мы, особенно молодёжь, с удовольствием отмечали все праздники. Много пели. Отличался в этом Кучкин, хорошо знавший современные и туристские песни.

В 1962 г. нас постигла печальная весть: наш сектор расформировали. Объяснялось это необходимостью создания двух секторов источниковедения — по советскому и досоветскому периодам. Но до нас доходили слухи, что причиной ликвидации сектора стала ссора Новосельского с Гапоненко, которого Алексей Андреевич обвинил в невежестве. Сотрудникам сектора было объявлено, что они по своему желанию могут выбрать для дальнейшей работы любой сектор, но, разумеется, по согласованию с его руководством. Мой переход в сектор истории исторической науки оказался не случаен. Я со школьных лет интересовалась русской общественной мыслью XIX в. и даже выступала с докладами о В.Г. Белинском.

Определяющей в моём становлении стала встреча с Милицей Васильевной Нечкиной. Под её руководством я защитила кандидатскую и докторскую диссертации. Это была уникальная личность. Она обладала превосходным историческим образованием, высоким мастерством литературоведа, психолога и педагога. Но самое главное — была очень умным и проницательным человеком. Знания и общечеловеческая культура обогащали её талантливую и восприимчивую натуру.

Я много писала о Милице Васильевне. Но, вспоминая о ней, хотелось бы подчеркнуть одну особенность её научного метода — индивидуальное отношение к человеку. Это проявлялось и в научной, и в педагогической деятельности. С целью понять побудительные мотивы личности Милица Васильевна изучала психологию и математику, цenia логику этой дисциплины. Внимание к личностному началу ярко проявилось в её трудах о декабристах, А.С. Пушкине, А.С. Грибоедове, В.О. Ключевском, революционных деятелях 1860-х гг. Изучение человеческой личности, в том числе учёного, по её мнению, не может ограничиваться его трудами. Духовный мир, душевный склад, свойства натуры, облик, привычки, увлечения и т.д. — предмет обязательного изучения, что Милица Васильевна осуществляла в своих исследованиях. Тем самым она расширяла и обогащала представление об историческом творчестве. А науку «история» Милица Васильевна считала именно творчеством, создание же исторических трудов — явлением культурного развития, тесно связанного с общеисторическим процессом.

И в исторических трудах, и в литературных Нечкина придавала огромное значение функции созданного образа, т.е. его восприятию и воздействию на читателя. Применительно к историческому сочинению эта мысль выражена словами Ключевского: «Тайна искусства писать — уметь быть первым читателем своего произведения». Функция художественного и научного сочинения должна быть адекватной замыслам писавшего. Но на практике это не всегда совпадает.

Мне вспомнился один эпизод. Я присутствовала при беседе Милицы Васильевны с художественным руководителем «Театра Сатиры» В. Плучеком. Он, очевидно, знакомый с трудами Нечкиной о Грибоедове, пришёл пригласить её быть консультантом в постановке «Горя от ума». Милица Васильевна

спросила: «Вы, вероятно, на роль Чацкого предполагаете поставить А. Миронова?». И, услышав утвердительный ответ, отклонила предложение, сказав, что Миронов не сможет передать сложность замысла Грибоедова и созданный им художественный образ не выполнит своего назначения. Нечкина считала, что в будущем должна возникнуть научная дисциплина, изучающая процесс художественных и научных трудов. Междисциплинарное сочетание литературы, истории и психологии она признавала весьма плодотворным.

Сектор истории исторической науки во время моего включения в его работу жил напряжённой жизнью. Под началом Милицы Васильевны работали также Научный совет по истории исторической науки и Группа по изучению первой революционной ситуации в России (1859—1861). Заместителем Милицы Васильевны по сектору был Ефим Наумович Городецкий, лекции которого я слушала в университете. Старшее поколение представляли М.А. Алпатов, занимавшийся русской и западноевропейской исторической мыслью XII—XIX вв., и В.А. Дунаевский — специалист по историографии Новой истории стран Запада. Объединение русистов и всеобщников плодотворно сказывалось на работе. Постоянно посещали наш сектор Л.В. Черепнин, в то время заведующий сектором феодализма, с которым Милица Васильевна была очень дружна, Б.Г. Вебер, Б.Ф. Поршнев, А.М. Станиславская и др.

В середине 1960-х гг. сектор завершал работу по подготовке к изданию «Очерков по истории исторической науки в СССР». Первые три тома уже были опубликованы, шла корректура четвёртого тома и подготовка к изданию пятого тома. Всех сотрудников мобилизовали на эту работу. Читали корректуру, причём особая ответственность, как говорил Ефим Наумович, ложилась на молодёжь, которая не имела права пропускать ошибки типографского набора. Следует заметить, что создание «Очерков» сопровождалось острой полемикой и требует специального и документального рассмотрения.

У меня, недавно погрузившейся в научную атмосферу, неизгладимое впечатление оставили обсуждения этого общесоюзного издания. На четвёртом этаже, в заполненном до отказа актовом зале, собирались учёные из разных городов и республик. Здесь можно было увидеть и услышать выступления Б.Г. Могильницкого (Томск), А.К. Бирона (Рига), Б.Ю. Вайткявичюса (Вильнюс), К.С. Худовердяна (Ереван), В.Г. Сарбея (Киев), А.Н. Цамутали (Ленинград), Г.Ф. Дахшлейгера (Алма-Ата) и др. Состояли в Совете по истории исторической науки и постоянно участвовали в его мероприятиях учёные московских институтов и вузов: А.О. Чубарьян, Г.С. Кучеренко, В.И. Дурновцев, О.В. Волобуев и др.

Стимулом развития исторической мысли являлись многочисленные конференции, проводившиеся в разных городах: Москве, Киеве, Вильнюсе, Саратове, Воронеже, Калининe, Смоленске, Сыктывкаре... Помню, как в 1979 г., накануне отъезда на конференцию в Ригу, посвящённую развитию исторической науки конца XIX — начала XX в., Милица Васильевна позвонила и пригласила меня ехать с ней в купе СВ. Я, конечно, беспокоилась, но никогда не забуду этой поездки. Вечером к нам в купе пришёл ехавший на эту конференцию в другом вагоне известный историк из Перми Б.Е. Кертман. Они с Милицей Васильевной поочередно читали стихи Пастернака и Ахматовой. Это продолжалось до четырёх часов ночи. Милица Васильевна прочитала и несколько своих стихотворений (она очень любила и понимала поэзию). Позднее она сказала мне: «Назовите эту поездку ночью поэзии».

Группа по изучению первой революционной ситуации в России, в которой я принимала участие, разрабатывала проблему многоаспектно. Изучались массовое крестьянское движение, деятели освободительной борьбы, прокламационная литература, революционные центры, эпоха в её экономическом и культурном измерении. Заседания группы Милица Васильевна проводила в гостиных Дома учёных. Специалисты по этим проблемам, работавшие как в Москве, так и в других городах Союза, собирались на заседания, делали доклады и обсуждали их.

Мне вспомнилось одно заседание, на котором В.А. Фёдоров делал доклад на основе архивных источников о крестьянском движении в годы первой революционной ситуации. На трибуне оказался Зайончковский и заявил, что никакого крестьянского движения не было, как и революционной ситуации, что это предвзятая точка зрения. После его выступления Милица Васильевна заключила: «Перед нами выступал советник Александра II». Это, разумеется, вызвало оживление и смех. Зайончковский часто выступал с подобными заявлениями, и они постоянно полемизировали с Милицей Васильевной. Но, как свидетельствовали и Пётр Андреевич, и Милица Васильевна, будучи членами ВАК, они всегда выступали единым фронтом против некачественных и бездоказательных диссертаций.

Помимо обсуждений актуальных научных проблем группа в составе Е.Л. Рудницкой, Ю.Н. Емельянова, Л.Ф. Кузьминой, М.Н. Брусиловской, И.А. Желваковой и др. вела большую публикаторскую работу. В ней принимала участие и я. Вышли в свет факсимильные издания «Вольной русской типографии» А.И. Герцена и Н.П. Огарёва; «Колокол», «Полярная звезда», «Голоса из России», «Исторические сборники». К ним прилагался большой справочный материал в виде комментариев и указателей: предметного, именного, географического, литературных персонажей и др. Этот чрезвычайно ценный источниковый материал впервые вводился в широкое обращение.

Моя работа в секторе помогла с выбором темы кандидатской диссертации. На одном из заседаний группы выступила З.И. Базилева. Она упомянула имя М.К. Лемке — первого издателя в России полного собрания сочинений Герцена. Я вздрогнула, подумав: «Вот чем надо заниматься». И вдруг получаю записку от Милицы Васильевна: «Рита, Лемке — вот Ваша тема». Это было радостным совпадением. Работа над кандидатской диссертацией стала счастливым периодом моей жизни. Я месяцами просиживала в архиве Пушкинского Дома в Ленинграде. В это же время ленинградцы Б.В. Ананьич и Р.Ш. Ганелин занимались трудом Лемке «Святая дружина Александра III» (тайное общество борьбы с крамолой 1881—1882 гг.). Лемке я была обязана знакомству с этими яркими и незаурядными личностями, добрые дружеские отношения с которыми продолжались всю жизнь. А работа о Святой дружине, которую они мне прислали, была опубликована лишь в 2012 г.

С учениками Милица Васильевна вела индивидуальную работу у себя дома. Я помню первое посещение. Волновалась и думала, что ничего не смогу сказать, кроме каких-то общих соображений. Но она как опытный педагог сумела заставить говорить то, о чём я даже не подозревала. На начальной стадии работы Милица Васильевна рассказывала, как надо читать научную книгу, делать выписки, систематизировать собранный материал, составлять картотеку, т.е. делилась техникой написания научного сочинения. Позднее она читала для аспирантов Института лекцию «Как работать над научным докладом», с этой

же темой выступала в Высшей комсомольской школе по просьбе тогдашнего её руководителя, небезызвестного Ю.Н. Афанасьева. Он, кстати, несколько позднее обсуждал в нашем секторе свою докторскую диссертацию об «Анналах», главным оппонентом которой выступал И.Д. Ковальченко, в то время первый заместитель Нечкиной в Совете по истории исторической науки.

Встречи и беседы о собранном материале и замысле построения диссертации проходили систематически. Но они не ограничивались научными темами. Милица Васильевна много рассказывала о себе, своих невзгодах и неудачах, ярко характеризовала окружающих её людей (в этом у неё был особый дар), проницательно судила об особенностях творческого содружества и научного мира, отмечая часто присущие ему амбициозность и непримиримость.

Милица Васильевна пристально следила за ходом работы и ростом учеников. Часто вечером, за день или два до заседания, звонила по телефону и просила выступить по обсуждаемой теме. Приходилось мобилизовывать все свои возможности и готовиться к выступлению. Важно отметить, что молодые сотрудники сектора находились под постоянным благожелательным надзором его руководства. Милица Васильевна и Ефим Наумович не только учили нас, но и умело вовлекали в общую работу. Так, например, на международной конференции в Смоленске (1973), которую проводил наш Институт, я и Г.Д. Алексеева выступали с докладами о диссертациях по историографии. Этим не только обеспечивалось участие молодёжи в работе, но и поступала информация о развитии этой науки в научное сообщество.

Моя докторская диссертация также находилась под пристальным оком Милицы Васильевны. Она выступала на её обсуждении и защите. Оппонентами выступали И.Д. Ковальченко, С.С. Волк и А.Н. Цамутали. Это было в 1983 г.

Одна из последних встреч с Нечкиной, когда она была относительно здорова и активна, состоялась в Узком, где она находилась. Я увидела её идущей по парку. При встрече Милица Васильевна сказала мне: «Все думают, что я гуляю, а я работаю». Её целеустремлённость и преданность профессии поражает. Она жила погружением в мир, который изучала, и работала постоянно, где бы ни находилась. У неё есть статья под названием «Воздух знания». Она создавала вокруг себя атмосферу знания и одаривала ею всех, кто с ней соприкасался.

Отличительная черта работы Института тех лет — сплочённость. Институт был живой. Сектора существовали не изолированно, а в постоянном взаимодействии. На обсуждениях научных работ, как правило, присутствовали сотрудники других подразделений. Источниковеды приглашали историографов и специалистов смежных тем, сектора феодализма и капитализма привлекали к участию в заседаниях историографов и источниковедов. И, что особенно важно, в этой работе активно участвовала молодёжь. Так, например, в обсуждении в секторе феодализма докторской диссертации Л.Н. Пушкарёва о теоретических проблемах источниковедения участвовали молодые историографы сектора истории исторической науки, в обсуждении в секторе капитализма докторской диссертации Е.А. Дудзинской о славянофильстве — историографы. В памяти осталось обсуждение кандидатской диссертации В.В. Шелохаева о кадетской партии: тема была новой и вызвала всеобщий интерес. Смелость Шелохаева и его научного руководителя Л.М. Иванова, как стало очевидно позже, оказалась оправданной: вклад Шелохаева в разработку проблематики российского либерализма общепризнан.

Очень много значило общение молодых сотрудников с маститыми учёными. Разумеется, оно имело разный характер и содержание. Я, например, навсегда сохранила в памяти беседы с Л.В. Черепниным, А.И. Клибановым, Ю.А. Писаревым, С.Л. Утченко, Г.А. Некрасовым и др. Хотелось бы особенно отметить заботливое и осознанное отношение старшего поколения к молодым специалистам. Нам не читали нотаций, не поучали, не назидали, а подавали пример уважительного отношения к коллегам, к которым относили и нас. Это был пример мудрого и нравственного воспитания.

Чрезвычайно важным событием стало разделение в 1968 г. Института на Институт истории СССР и Институт всеобщей истории. Мы встретили это с большим огорчением: было ощущение потери образованной и мыслящей части Института; мы лишались возможности слушать наших ораторов-корифеев А.З. Манфреда, С.Л. Утченко и др. Затем пришло осознание, что, хотя проблемы отечественной истории важно рассматривать совместно с всеобщниками, это решается и при раздельном существовании институтов. Время меняет облик коллектива, состав его участников, влияет на рост и совершенствование научного потенциала. Институт российской истории обрёл научную значимость и устойчивую самостоятельность. Мысли о каком-либо объединении с кем-либо теперь вредоносны.

Моя жизнь по сей день связана с прежним сектором. Научный совет по истории исторической науки возглавил И.Д. Ковальченко, и я работала под его началом учёным секретарём. Но это тема последующих воспоминаний.